

Томас Гоббс: нет ничего сложнее простоты

Английский мыслитель Томас Гоббс (1588–1679) — одна из самых неоднозначных и во многом загадочных фигур Нового времени. Его биография хорошо известна и почти не содержит лакун, однако это знание не дает ответа на вопрос: как в Англии после завершения эпохи Возрождения смогла сформироваться самобытная фигура философа, во многом стоявшая особняком по своему мировоззрению к большей части политической, конфессиональной и интеллектуальной элиты не только своей страны, но и Европы в целом. Более того, именно новаторские идеи Т. Гоббса заметно влияли на становление и развитие многих научных направлений в ведущих европейских государствах.

Вероятно, в основе самобытности этого исследователя, педагога и пропагандиста собственных воззрений сыграло главную роль совпадение его природных личностных качеств с получением блестящего образования. Выпускник Оксфордского университета, он совершенствовал свои знания путем общения и, нередко, острых дискуссий с гениальными учеными XVII века: Г. Галилеем, Р. Декартом, И. Кеплером. Т. Гоббс был не только любимым учеником выдающегося английского экономиста Ф. Бэкона, но и на протяжении пяти лет являлся его личным секретарем, по сути, правой рукой в научной и практической работе. Знание ведущих европейских языков, а также древнегреческого и латыни позволило талантливому англичанину прочитать и осмыслить колоссальный массив литературы, предшествовавшей процессу формирования революционных по своей сути научных знаний Нового времени. Именно во времена Т. Гоббса и его коллег Человек стал главным объектом науки, а его возможности, способности, предназначение получили невиданное до той поры осмысление. Человек из слуги Церкви, природы и государства стал превращаться в главную силу, способную эффективно влиять на все сферы жизни.

Современники Т. Гоббса, как, впрочем, и многие наши современники, пытались и пытаются уличить ученого в примитивности его теоретического наследия, в очевидности его утверждений. Но уязвимость взглядов философа состоит не в слабости его теорий, а в гениальной простоте его взгляда на мир. Разрушая стереотип представления о философии, как о чем-то запредельно сложном с точки зрения постижения истины, Томас Гоббс писал о том, что философия, как наука, отвергает «словесные белила и румяна», делая эту науку высокоточным инструментом объективного познания мира.

Вероятно, этот ученый обладал не только острым умом, непоколебимой волей, позволявшей преодолевать многолетний «марафон»

утверждения в обществе его смелых идей, но и редким умением влиять на людей. В том числе, на крупные фигуры политического масштаба. Подтверждение тому — его длительные доверительные отношения с лордом Ковендишем — графом Девонширским, который поручил ученому воспитание своего сына. Именно ему Т. Гоббс посвятил одну из самых ярких своих научных работ — трактат «Основы философии». Интеллект, смелость суждений, приверженность идеям сильной государственной власти и, вероятно, человеческое обаяние сделали его наставником принца Уэльского, будущего короля Англии Карла Второго Стюарта, во время его нахождения в изгнании во Франции.

Философ-материалист Т. Гоббс — уникальное научное явление. Только то, что он сформулировал понятие верховенства права делает его ученым мирового масштаба. Он стал основоположником политической философии, автором теорий общественного договора и государственного суверенитета — идей, которые в наши дни чрезвычайно актуальны и нуждаются в новом прочтении. Мысли этого ученого столь фундаментальны, что в XVII веке дали мощный толчок для развития таких наук, как история, этика, психология, физика, геометрия, теология. Его философская теория механицизма, базировавшаяся на достижениях естественных наук того времени, удивительным образом и сейчас, когда арсенал научных знаний существенно пополнился, остается привлекательной для размышлений о мироустройстве.

Некоторые современные философы снисходительно называют взгляды Т. Гоббса «примитивным материалистическим мировоззрением». Это утверждение, как минимум спорно, поскольку неопровержима истина: чем проще схема, тем она надежней в эксплуатации. Идеи ученого, творившего несколько столетий назад, актуальны и сейчас. Это пример редчайшего теоретического и практического долголетия.

Великий англичанин был категорически против революций, гражданских войн, любых других форм неповиновения государству. Его идеалом была «сильная рука», а парламенты и политические партии представлялись ему тормозами развития государственной власти. Даже церковь он относил к институтам, которые должны быть в жестком подчинении государственной верхушки. При этом, Т. Гоббс стоял у истоков модели правового государства: его взгляды легли в основу теорий Дж. Локка и других европейских просветителей того времени.

Т. Гоббс сравнивал государственную машину с библейским чудовищем Левиафаном: они оба жестоки, но надежно исполняют свою работу, которая объективно необходима. Человечество времен Томаса Гоббса еще не созрело до идей милосердия, но в создании правового государства благодаря этому гениальному мыслителю к милосердию был сделан первый шаг.

С.Н. Полтораки, доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей Санкт-Петербурга, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Часть первая

О ТЕЛЕ

Достойнейшему мужу Вильяму,
графу Девонширскому¹,
моему высокочтимому господину

Первая часть «Основ философии», будущего памятника моей преданности Вам и Вашей благосклонности ко мне, написание которой после издания третьей части долго откладывалось мной, теперь наконец закончена. Я преподношу и посвящаю ее Вам, достойнейший господин. Книжечка эта невелика по объему, но содержательна, и если то, что правильно, имеет не меньший вес, чем то, что велико, то она достаточно велика. Вы увидите, что она легка для понимания и ясна для внимательного читателя, хорошо знакомого с математикой, т.е. для Вас. Вы увидите также, что почти все в ней ново, однако новизна ее никому не причинит вреда.

Я знаю, что раздел философии, трактующей о линиях и фигурах, завещали нам, хорошо потрудившись над ним, древние и что этот раздел является в то же время наилучшим примером истинной логики, с помощью которой они смогли открыть и доказать свои знаменитые теоремы. Я знаю также, что гипотезу суточного вращения Земли, впервые высказанную древними, а вместе с ней и родившуюся от нее астрономию, т.е. небесную физику, позднейшие философы задушили словно словесной петлей. Таким образом, начало астрономии (за исключением фактов, полученных с помощью наблюдения) следует, как мне кажется, отнести не далее как к Николаю Копернику, который в прошлом столетии вернулся к воззрениям Пифагора, Аристарха и Филолая². После него, когда уже

¹ Кавендиш Уильям, граф Девонширский, ученик, друг и покровитель Гоббса, пригласил его сразу после окончания Оксфордского университета в 1608 г. в качестве воспитателя к сыну. Гоббс был связан с семейством Кавендишей большей частью своей долгой жизни.

² Учение Коперника было запрещено римско-католической церковью в 1616 г., после того как астрономические (отчасти и механические) открытия Галилея раскрыли его объективную истинность в качестве теории (а не только гипотезы, с чем церковь мирилась после публикации книги Коперника в 1543 г., к которой без ведома автора было добавлено предисловие Осияндера, объявившего его гелиоцентрическую систему только гипотетической). Поскольку в древности пифагорейцы (особенно поздние) формулировали сходные астрономические взгляды, римская курия запретила коперниканскую теорию как «пифагорейскую ересь». Деталей этого запрещения и астрономической сути коперниканства Гоббс, возможно, не знал, почему и пишет здесь о простом возвращении Коперника к воззрениям Пифагора, Филолая и Аристарха.

стало известно о движении Земли и возникла трудная проблема — объяснить падение тяжелых тел, наш современник Галилей, преодолевая эти трудности, первым открыл нам главные врата всей физики, а именно указал природу движения. Поэтому, как мне кажется, только с него и следует начинать летоисчисление физики. Науку же о человеческом теле, эту наиболее полезную часть физики, с достойной удивления прощательностью открыл и обосновал в своих книгах о движении крови и возникновении живых существ Вильям Гарвей, главный медик королей Якова и Карла и единственный, насколько мне известно, человек, который, преодолевая зависть, при жизни утвердил новое учение. До них в физике не было ничего достоверного, кроме свидетельства различных людей и рассказов о явлениях природы, если только можно считать последние достоверными, ибо они ведь не более достоверны, чем рассказы о человеческих делах. И лишь после них в течение очень короткого времени астрономию и общую физику отлично продвинули вперед Иоганн Кеплер, Пьер Гассенди, Марен Мерсенн¹, а специальную физику человеческого тела — умы и прилежание врачей, или подлинных естествоиспытателей — медиков, особенно же наших высокоученых мужей из Лондонского общества².

Следовательно, физика — новое явление. Но философия общества и государства (*Philosophia civilis*) является еще более новой, она не старше (и я бросаю вызов своим недоброжелателям и завистникам, дабы они увидели, сколь немногого они добились), чем написанная мной книга «О гражданине». Но действительно ли это так? Разве среди древнегреческих философов не было таких, которые бы трактовали о физике

В действительности относить (приписывать) принцип гелиоцентризма к Пифагору нет оснований. Другое дело Филолай из Кротойа, один из главных его последователей в V веке до н. э., считавшийся творцом первой негелиоцентрической системы космоса, в центре которого он помещал первозданное огненное тело, назвав его Гестией (богиня домашнего очага, одна из сестер Зевса). Аристарх (ок. 320–250 до н. э.) с о. Самоса, развивший воззрения поздних пифагорейцев (одновременно бывший учеником Стратона-физика, возглавлявшего основанный Аристотелем Ликей), считается основоположником античной теории вращения Земли вокруг своей оси и ее обращения вокруг Солнца. Астрономические воззрения пифагорейцев Копернику были известны.

¹ Иоганн Кеплер (1571–1630), великий немецкий астроном, физик и математик, высоко ценил пифагорейскую философию. О Пьере Гассенди, одном из главных возобновителей физической атомистики античности, см. вступит. ст. О Марене Мерсенне, философе и ученом (монахе, принадлежавшем к ордену францисканцев), сказано там же. Как ученый, Мерсенн, конечно, несопоставим с Кеплером и Гассенди, но он сыграл весьма важную роль организующего центра переписки и встреч французских и иностранных ученых и философов. Из кружка Мерсенна впоследствии выросла Французская академия наук как сообщество ученых-естественников.

² Будущее Лондонское Королевское общество, окончательно конституировавшееся в 1662 г., как главное государственное естественнонаучное учреждение Англии, фактически Академия наук, существует и в наши дни. В работе общества сам Гоббс участия не принимал.

и о государстве? Безусловно, среди них были люди, претендовавшие на это, о чем свидетельствует высмеивающий их Лукиан¹; о том же свидетельствует и история государств, из которых такие философы слишком часто изгонялись публичными эдиктами. Но это вовсе не значит, что такая философия существовала. В Древней Греции имела хождение фантастическая концепция, внешне похожая на философию (в сущности же мошенническая и нечистоплотная), которую неосторожные люди принимали за философию, присоединяясь к тем или к другим учителям ее, хотя и несогласным друг с другом. Таким учителям мудрости эти люди доверяли за высокую плату своих детей, хотя они не могли научить их ничему, кроме того как вести споры, а также, пренебрегая законами, решать любой вопрос по собственному произволу².

В эти времена появились первые после апостолов учителя церкви; и когда они в борьбе против язычников начали защищать христианскую веру с помощью естественного разума, то они и сами начали философствовать и смешивать с учениями Священного писания некоторые воззрения языческих философов. Первоначально они переняли от Платона некоторые наименее опасные из его учений. Впоследствии же, заимствуя из «Физики» и «Метафизики» Аристотеля множество неудачных и неверных положений, они едва ли не предали крепость христианской веры, впустив в нее врага. С этого времени место богопочитания заняла схоластика, именуемая теологией; она шествовала, опираясь на здоровую ногу, каковой является Священное писание, и на больную, каковой была та философия, которую апостол Павел назвал суетной, а мог бы назвать и пагубной.

Ибо эта философия возбудила в христианском мире бесчисленные споры о религии, которые привели к войнам. Эта философия подобна Эмпусе афинского комедиографа³. В Афинах ее считали божеством, обладающим меняющейся внешностью, причем одна ее нога была медной, а другая — ослиной. Как полагали, ее послала Геката⁴, чтобы известить афинян о предстоящем несчастье.

¹ Лукиан из Самосаты (ок. 120 или 125 — после 180), древнегреческий писатель, сатирик, высмеивал религиозные верования и суеверия, «Вольтер классической древности»

² Здесь Гоббс явно имеет в виду так называемых софистов, приобретших значительное влияние в духовной жизни Афин и других древнегреческих полисов во второй половине V в. до н. э. Некоторые из них уделяли весьма значительное внимание трактовке вопросов общественной жизни.

³ Эмпуса, ночной демон древнегреческой мифологии, оборотень, одно из чудовищ царства мертвых, фигурирует в комедии Аристофана «Лягушки» (сб. 287–297).

⁴ Геката — дочь титанидов Перса и Астерии, древнейшая (хтоническая) богиня мрака, ночных видений и чародейства. Уран и Зевс наделили ее могуществом на земле, в море и небесах, она чтилась как божество, доброжелательное к людям, подательница урожая и богатства. Примерно с V в. до н. э. становится также богиней призраков, ночных кошмаров, волшебства и заклинаний, повелительницей теней в подземном мире. Фигурирующая выше Эмпуса — одна из ее спутниц.

Я думаю, что против этой Эмпусы нельзя придумать лучшего заклания, чем разграничение правил религии, т.е. правил, согласно которым следует чтить Бога и которые следует искать в законах, и правил философии, т.е. учений частных людей. При этом учения религии должно доставлять Священное писание, а философские учения — естественный разум. И это, несомненно, так и произойдет, если я буду правильно и ясно трактовать основы только философии, как я и стараюсь делать. Так, в третьей, уже изданной посвященной Вам части всякое как духовное, так и светское — правительство возведено мной к одной и той же высшей власти, причем я использовал наиболее прочные доводы и не вступал в противоречие с божественным словом. Теперь же, приведя в порядок и ясно изложив истинные основания физики, я приступаю к тому, чтобы отпугнуть и прогнать эту метафизическую Эмпусу не посредством борьбы, а посредством дневного света. Я уверен (если только страх, почтение и сомнение пишущего могут придать какую-то уверенность в написанном), что все доказано мной правильно; при этом в первых частях данной книги я опирался на определения (дефиниции), а в четвертой — на гипотезы, не являющиеся абсурдными. Если же какой-либо из моих выводов покажется Вам доказанным не столько полно, чтобы это могло удовлетворить всех, то причина будет в том, что я не излагал все для всех, а писал некоторые вещи только для геометров¹. Все же у меня нет сомнения в том, что в целом книга сможет удовлетворить Вас.

Остается еще вторая часть — «О человеке», раздел которой об оптике, состоящий из восьми глав, я написал шесть лет тому назад, прибавив к ним чертежи, относящиеся к различным главам. Остальное же, если позволит Бог, я завершу в меру своих сил², хотя, будучи уже научен оскорбительными нападками и мелкими придирками некоторых людей, не разбирающихся в предмете³, я знаю, что тот, кто станет говорить об истинной природе человека, обретет значительно меньше благодарности, чем он того заслуживает. И тем не менее я буду нести свою ношу и не стану жаловаться на зависть, а лучше отомщу завистникам, идя далее в избранном мной направлении. Ибо мне достаточно Вашей благодарности, которой я обладаю; я же в меру своих сил буду всегда проявлять к Вам благодарность, молясь всемогучему и всеблагому Богу о сохранении Вашего здоровья и жизни.

Нижайший слуга Вашего превосходительства

Томас Гоббс

Лондон, 23 апреля 1655 г.

¹ Под геометрами следует понимать вообще ученых, владеющих логикой.

² Т. е. в последующих главах сочинения «О человеке».

³ Гоббс, по-видимому, имеет здесь в виду начавшуюся после его возвращения в Англию полемику с Уордом и Уоллисом, крупными математиками своего времени, возглавлявшими Оксфордский университет.

К ЧИТАТЕЛЮ

О философии, основы которой я здесь собираюсь изложить, ты, любезный читатель, не должен думать как о чем-то, при помощи чего можно раздобыть философский камень, или как об искусстве, которое представлено в трактатах по метафизике. Философия есть скорее естественный человеческий разум, усердно изучающий все сотворенные вещи, чтобы сообщить правду об их порядке, их причинах и следствиях. Философия есть дочь твоего мышления и всего мира, она живет в тебе самом, правда, в еще не ясной форме, подобно Мира-прародителю в период его бесформенного начала. Ты должен действовать, как скульпторы, которые, обрабатывая бесформенную материю резцом, не творят форму, а выявляют ее. Подражай акту творения! Пусть твое мышление (если ты желаешь серьезно работать над философией) вознесется над хаотической бездной твоих рассуждений и экспериментов. Все хаотическое должно быть разложено на составные части, а последние следует отличить друг от друга, и всякая часть, получив соответствующее ей обозначение, должна занять свое прочное место. Иными словами, необходим метод, соответствующий порядку творения самих вещей. Порядок же творения был следующим: свет, отделение дня от ночи, протяженность, светила, чувственно воспринимаемое, человек. Заключительным актом творения явилось установление закона (*mandatum*). Порядок исследования будет, таким образом, следующим: разум, определение, пространство, созвездия, чувственное свойство, человек, а после достижения последним зрелости — гражданин. В первом разделе первой части, озаглавленном Логика, я зажигаю светоч разума.

Во втором разделе, названном Первая философия, я различаю посредством точного определения понятий идеи наиболее общих вещей, с тем чтобы устранить все сомнительное и неясное. Третий раздел посвящен вопросам пространственного протяжения, т.е. геометрии. Четвертый раздел описывает движение созвездий и, кроме того, чувственные свойства.

Во второй части всей системы, если на то будет божья воля, я подвергну рассмотрению природу человека, а в третьей — уже ранее изложенный нами вопрос о гражданине. Я следовал тому методу, который сможешь применить и ты, если он встретит твое одобрение. Ибо я не навязываю тебе ничего своего, а только предлагаю твоему вниманию. Каким бы методом ты, однако, ни пользовался, во всяком случае я бы весьма рекомендовал твоему вниманию философию, т.е. стремление к мудрости, недостаток которой в самое недавнее время причинил всем нам много несчастий. Ибо даже те, кто стремятся к богатству, любят мудрость: ведь сокровища радуют их лишь потому, что они как в зеркале могут увидеть в них собственную мудрость. Таким же образом и те, кого привлекает государственная служба, ищут только место, где бы они могли проявить свою мудрость. Даже падкие на удовольствия люди пренебрегают философией только потому, что не знают, какое огромное наслаждение может доставить постоянное и мощное соприкосновение души с прекрасным из миров. И наконец, если бы я не имел никакого другого основания рекомендовать тебе философию, то я сделал бы это (поскольку человеческий разум в такой же мере не терпит пустого времени, как природа — пустого пространства) затем, чтобы ты мог приятно заполнить ею часы досуга и не был вынужден от чрезмерного безделья мешать людям занятым или сближаться с людьми праздными, что принесло бы вред тебе самому. Прощай!

Томас Гоббс

Раздел первый

ИСЧИСЛЕНИЕ ИЛИ ЛОГИКА

Глава I

О ФИЛОСОФИИ

1. Введение. 2. Развернутое определение философии. 3. Рассуждение. 4. Что такое свойство. 5. Каким образом о наличии свойства заключают исходя из производящего основания, и наоборот. 6. Цель философии. 7. Польза. 8. Предмет. 9. Части. 10. Заключение.

1. Философия, как мне кажется, играет ныне среди людей ту же роль, какую, согласно преданию, в седой древности играли хлебные злаки и вино в мире вещей. Дело в том, что в незапамятные времена виноградные лозы и хлебные колосья лишь кое-где попадались на полях, посевов же и посадок не было. Поэтому люди питались тогда желудями, и всякий, кто осмеливался попробовать незнакомые или сомнительные ягоды, рисковал заболеть. Подобным же образом и философия, т.е. естественный разум, врождена каждому человеку, ибо каждый в известной мере рассуждает о каких-нибудь вещах. Однако там, где требуется длинная цепь доводов, большинство людей сбивается с пути и уклоняется в сторону, так как им не хватает правильного метода, что можно сравнить с отсутствием сознательных посевов. В результате люди, которые довольствуются желудями повседневного опыта и не ищут философии или отвергают ее, считаются, согласно общему мнению, обладающими более здравыми понятиями, чем те, кто не придерживаются общепринятых мнений и, поверхностно усвоив сомнительные взгляды, подобно безумцам, беспрестанно спорят и ссорятся между собой. Я, правда, признаю, что та часть философии, которая трактует о величинах и фигурах, прекрасно разработана. Но, поскольку я не вижу, что другие ее части разработаны с таким же усердием, я решаюсь лишь развить по мере моих сил немногие элементы всей философии, как своего рода семена, из которых, как мне кажется, может вырасти чистая и истинная философия.

Я вполне сознаю, как трудно выбить из головы воззрения, внедрившиеся и укоренившиеся в ней благодаря авторитету красноречивейших писателей; эта трудность усугубляется еще и тем, что истинная (т.е. точная) философия сознательно отвергает не только словесные белила и румяна, но и почти всякие прикрасы. Первые основы всякой науки действительно далеко не ослепляют своим блеском: они скорее скромны, сухи и почти безобразны.

Но так как среди людей, несомненно, есть и такие, хотя бы их и было немного, кому во всем доставляет удовольствие истина сама по себе и надежность довода, то я считал своей обязанностью прийти этим немногим на помощь. Итак, я перехожу к делу и начинаю с самого определения понятия философии.

2. Философия есть познание, достигаемое посредством правильного рассуждения (*per rectam ratiocinationem*) и объясняющее действия, или явления, из познанных нами причин, или производящих оснований, и, наоборот, возможные производящие основания — из известных нам действий.

Чтобы понять это определение, нужно учесть, во-первых, что хотя восприятие и память (способности, которыми человек обладает вместе со всеми животными) и доставляют нам знание, но так как это знание дается нам непосредственно природой, а не приобретается при помощи логического (*ratiocinatio*) рассуждения, то оно не есть философия.

Во-вторых, следует помнить, что, поскольку опыт целиком основывается на памяти, а предусмотрительность (*prudentia*), или предвидение будущего, является не чем иным, как ожиданием вещей, подобных тем, которые уже встречались нам в нашей практике, предусмотрительность не должна быть причислена к философии.

Под рассуждением я подразумеваю, учитывая все сказанное, исчисление. Вычислять — значит находить сумму складываемых вещей или определить остаток при вычитании чего-либо из другого. Следовательно, рассуждать значит то же самое, что складывать и вычитать. Если кто-нибудь захочет прибавить: и то же самое, что умножать или делить, то я ничего не буду иметь против этого, так как умножение есть то же самое, что сложение одинаковых слагаемых, а деление — то же, что вычитание одинаковых вычитаемых, повторяемое столько раз, сколько это возможно. Рассуждение (*ratiocinatio*), таким образом, сводится к двум умственным операциям — сложению и вычитанию.

3. Поясним, однако, с помощью нескольких примеров то, как мы обычно рассуждаем без слов, т.е. складываем или вычитаем что-либо в уме, в безмолвно протекающем мышлении. Видя какой-нибудь дальний предмет неясно и не будучи еще в состоянии определить, что это такое, мы все-таки уже ощущаем в этом предмете то, в силу чего он называется телом. Подойдя ближе и увидев, что тот же самый предмет, сохраняя известное положение, находится то в одном, то в другом месте, мы получим о нем новое представление, благодаря которому назовем его одушевленным. И если мы затем, подойдя вплотную к такому предмету, увидим его фигуру, услышим его голос и убедимся в наличии других фактов, являющихся признаками разумного существа, то у нас образуется третье представление, хотя еще и не выраженное словом, а именно представление, в силу которого мы называем кого-либо разумным существом. Когда мы, наконец, точно и во всех подробностях видим весь предмет и узнаем его, наша идея его оказывается сложной из предыдущих идей, соединенных в той же последовательности, в какой в речи складывается в название разумное одушевленное тело, или человек, отдельные имена — тело, одушевленное, разумное. Точно так же в результате сложения

представлений четырехугольник равносторонний, прямоугольный получается понятие квадрат. Дело в том, что в нашем уме может сложиться представление четырехугольник без представления равносторонний, точно так же как представление равносторонний четырехугольник — без представления прямоугольный. Усвоив себе в отдельности эти представления, наш ум может объединить их в одно понятие или в единую идею — квадрат. Таким образом, ясно, как наш ум образует путем соединения свои представления. Может происходить и обратное. Находясь лицом к лицу с каким-либо человеком, мы имеем в уме всю идею его. Когда же этот человек удаляется и мы следуем за ним только своим взором, то мы прежде всего теряем идею тех вещей, которые суть признаки разума; однако нашим глазам еще представляется одушевленное тело, и, таким образом, из всей идеи человек, т.е. разумное одушевленное тело, вычитается идея разумное, в результате чего остается идея одушевленное тело; немного погодя, с увеличением расстояния между нами и удаляющимся, мы утрачиваем идею одушевленность, и у нас остается только идея тела; наконец, когда уже ничего не видно, вся идея утрачивается. Эти примеры, как я полагаю, в достаточной степени выясняют сущность той операции исчисления, которую без слов производит ум.

Не следует поэтому думать, будто операция исчисления в собственном смысле производится только над числами и будто человек отличается (как, согласно свидетельству древних, полагал Пифагор) от других живых существ только способностью считать. Нет, складывать и вычитать можно и величины, тела, движения, времена, степени, качества, действия, понятия, отношения, предложения и слова (в которых содержится всякого рода философия). Прибавляя или отнимая, т.е. производя вычисление, мы обозначаем это глаголом мыслить, что означает также исчислять, или умозаключать.

4. Действия и явления суть способности, или предрасположения, тел, на основании которых мы различаем их друг от друга, т.е. познаем, что одно равно или не равно другому, сходно или не сходно с ним. Если, как в предыдущем примере, мы достаточно близко подходим к какому-нибудь телу, чтобы заметить, что оно движется или идет, то мы отличаем его от дерева, колонны и других известных нам неподвижных тел. Таким образом, присущая живому существу способность к движению является тем свойством, с помощью которого мы отличаем его от дерева, колонны и других известных нам неподвижных тел. Таким образом, присущая живому существу способность к движению является тем свойством, с помощью которого мы отличаем его от других тел.

5. Как, зная производящее основание, можно прийти к познанию действия, легче всего уяснить себе на примере круга. Представим себе, что перед нами плоская фигура, чрезвычайно похожая на фигуру круга. В этом случае мы на основании простого чувственного восприятия не сможем решить, является ли она на самом деле кругом или нет. Иное дело, если нам известно, как возникла данная фигура. Предположим, что она была образована путем передвижения по окружности какого-нибудь тела, один конец которого оставался неподвижным. Зная это, мы можем

сделать следующее умозаключение: передвигаемое тело, все время находящееся на одном и том же расстоянии, примыкает сначала к одному радиусу, потом к другому, третьему, четвертому и всем остальным по очереди; следовательно, линия одной и той же длины, проведенная из одной и той же точки, будет везде достигать периферии, т.е. все радиусы будут равны. Мы познаем таким образом, что вышеуказанным путем возникает фигура, все точки периферии которой удалены от ее единственного центра одинаково — на длину радиуса.

Подобным же образом мы можем, исходя из данной фигуры, сделать умозаключение относительно ее если не действительного, то хотя бы возможного возникновения; познав только что выясненные свойства круга, нам легко определить, образует ли круг приведенное указанным образом в движение тело.

6. Цель, или назначение, философии заключается, таким образом, в том, что благодаря ей мы можем использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия для умножения жизненных благ.

Ибо молчаливая радость и душевное торжество от преодоления трудностей или открытия наиболее сокровенной истины не стоят тех огромных усилий, которых требует занятие философией; я и не считаю возможным, чтобы какой-либо человек усердно занимался наукой с целью обнаружить перед другими свои знания, если он не надеется этим ничего другого. Знание есть только путь к силе. Теоремы (которые в геометрии являются путем исследования) служат только решению проблем. И всякое умозрение в конечном счете имеет целью какое-нибудь действие или практический успех.

7. Однако мы лучше всего поймем, насколько велика польза философии, особенно физики и геометрии, если наглядно представим себе, как она может содействовать благу человеческого рода, и сравним образ жизни тех народов, которые пользуются ею, с образом жизни тех, кто лишен ее благ. Своими величайшими успехами человеческий род обязан технике, т.е. искусству измерять тела и их движения, приводить в движение тяжести, воздвигать строения, плавать по морям, производить орудия для всякого употребления, вычислять движения небесных тел, пути звезд, календарь и чертить карту земного шара. Какую огромную пользу извлекают люди из этих наук, легче понять, чем сказать. Этими благами пользуются не только все европейские народы, но и большинство азиатских и некоторые из африканских народов. Народности Америки, однако, равно как и племена, живущие поблизости от обоих полюсов, совершенно лишены этих благ. В чем причина этого? Разве первые более даровиты, чем последние? Разве не обладают все люди одной и той же духовной природой и одними и теми же духовными способностями? Что же имеют одни и не имеют другие? Только философию! Философия, таким образом, является причиной всех этих благ. Пользу же философии морали (*philosophia moralis*) и философии государства (*philosophia civilis*) можно оценить не столько по тем выгодам, которые обеспечивает

их знание, сколько по тому ущербу, который наносит их незнание. Ибо корень всякого несчастья и всех зол, которые могут быть устранены человеческой изобретательностью, есть война, в особенности война гражданская. Последняя приносит с собой убийства, опустошения и всеобщее обнищание. Основной причиной войн является нежелание людей воевать, ибо воля человека всегда стремится к благу или по крайней мере к тому, что кажется благом; нельзя объяснить гражданскую войну и непониманием того, насколько вредны ее последствия, ибо кто же не понимает, что смерть и нищета — огромное зло. Гражданская война возможна только потому, что люди не знают причин войны и мира, ибо только очень немногие занимались исследованием тех обязанностей, выполнение которых обеспечивает укрепление и сохранение мира, т.е. исследованием истинных законов гражданского общества. Познание этих законов есть философия морали. Но почему же люди не изучили этой философии, если не потому, что до сих пор никто не дал ясного и точного ее метода? Как же иначе понять то, что в древности греческие, египетские, римские и другие учителя мудрости смогли сделать убедительными для неискушенной в философии массы свои бесчисленные учения о природе богов, в истинности которых они сами не были уверены и которые явно были ложны и бессмысленны, а с другой стороны, не смогли внушить той же самой массе сознания ее обязанностей, если допустить, что они сами знали эти обязанности? Немногих дошедших до нас сочинений геометров достаточно, чтобы устранить всякие споры по тем вопросам, о которых они трактуют. Можно ли думать, что бесчисленные и огромные тома, написанные моралистами, не оказали бы подобного действия, если бы только они содержали несомненные и доказанные истины? Что же другое могло бы быть причиной того, что сочинения одних научны, а сочинения других содержат только звонкие фразы, если не то обстоятельство, что первые написаны людьми, знавшими свой предмет, последние же — людьми, ничего не понимавшими в той науке, которую они излагали, и желавшими только продемонстрировать свое красноречие или свой талант? Я не отрицаю, что книги последнего рода все же в высшей степени приятно читать: они в большинстве случаев очень ярко написаны и содержат много остроумных, полезных и притом совсем необыденных мыслей, которые, однако, чаще всего не могут претендовать на всеобщее признание, хотя и высказаны их авторами в форме всеобщности. Поэтому такие сочинения в различные эпохи в различных местах могут нередко служить так же хорошо для оправдания преступных намерений, как и для формирования правильных понятий об обязанностях по отношению к обществу и государству. Основным недостатком этих сочинений является отсутствие в них точных и твердых принципов, которыми мы могли бы руководствоваться при оценке правильности или неправильности наших действий. Бесполезно устанавливать нормы поведения применительно к частным случаям, прежде чем будут найдены эти принципы, а также определенный принцип и мера справедливости и несправедливости (что до настоящего момента еще ни разу не было сделано). Так как из незнания гражданских обязанностей, т.е. науки о морали, проистекают